ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

СБОРНИК СТАТЕЙ

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1938 ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор издания
директор Института этнографии
акад. В. В. Струве

Члены редакции:
И. Н. Винников
Д. К. Зеленин

Технический редактор О. Г. Давидович. — Корректор А. А. Мирошников

Сдано в набор 26 февраля 1938 г. — Подписано к печати 17 июля 1938 г.

239 стр.

Формат бум. 72 × 110 см.—15 печ. л.—68 400 тип. зн. в л.—22 уч.-авт. л.—Тираж 2000

Ленгорлит № 3197. — АНИ № 333. — Заказ № 418

Типография Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, 12

С. Н. Стебницкий

Нымыланы-алюторцы

(К вопросу о происхождении оленеводства у южных коряков)

1

Задачей настоящей статьи является рассмотрение некоторых особенностей из области, главным образом, экономики, частично также касающихся языка, истории и этнографии группы нымыланов, говорящих на алюторском диалекте нымыланского языка. Рассмотрение этих особенностей может способствовать 1) разрешению вопроса о подразделении нымыланской народности на племена, 2) выяснению вопроса о происхождении оленеводства у южных нымыланов. Кроме того, факты, приводимые ниже, могут послужить материалом для разрешения более широкой проблемы: о переходе от охотничьей стадии к скотоводству в условиях Севера.

Подразделение нымыланов на группы проводится по языковому признаку. Алюторский диалект, на котором говорит интересующая нас группа нымыланов, относится к группе южных диалектов оседлых нымыланов, куда, кроме алюторского, входят 1) палланский диалект, 2) карагинский диалект.[1] Вкратце алюторский диалект может быть охарактеризован так: 1) это диалект «а-кающий», 2) диалект монофтонгизирующий, 3) диалект, имеющий ряд довольно существенных морфологических, в меньшей степени также синтаксических и лексических отличий как от литературного нымыланского языка, так и от всех прочих диалектов его, особенно северных.

Численность нымыланов-алюторцев — 1800—2000 человек (около 25% всей нымыланской народности).

Основная масса алюторцев живет в восточной части территории, населенной нымыланами, — по побережью Берингова моря от бухты Корфа на севере до с. Тымлат на юге. В районе бухты Корфа нымыланы-алюторцы встречаются не только на морском побережье, но и в глубине материка, на расстоянии 80—100 км от Берингова моря: в среднем течении р. Хаилино находятся два алюторских поселка — Хаилино и Ветвей. В южной части территории расселения алюторцев мы встречаем их также на западном побережье Камчатского перешейка: жители с. Рекинники принадлежат к алюторцам, хотя в говоре их чувствуется некоторое влияние соседнего (с юга) палланского диалекта.

Несмотря на то, что алюторский диалект отнесен нами к группе «южных диалектов о с е д л ы х нымыланов», большая часть алюторцев (60—70%)

---

[1] Общую характеристику диалектов нымыланского языка, в частности, алюторского диалекта, см. в статье автора этих строк «Основные фонетические различия диалектов нымыланского (корякского) языка», Сборник памяти В. Г. Богораза, Изд. Акад. Наук СССР, Л., 1937, стр. 285—306.

оленеводы. Оленеводы-алюторцы расселяются по тундрам в пределах намеченной выше территории. Камчатский перешеек весь целиком заселен алюторцами. Ниже нам придется вкратце охарактеризовать оленеводство алюторцев.

Названия «алюторцы», «алюторский диалект» происходят от нымыланского слова elutel'u (ед. ч. elutel'ən) — так называют алюторцев чавчувены. Сами себя алюторцы большею частью называют пьmьl'u — 'жители', 'поселяне', иногда же по названию своего поселка, например: wьwnal'o — вывенцы (жители поселка Wьwnak); tillьrral'u — теличенцы (жители с. Теличики); alutal'o — алюторцы (жители с. Alut — «Олюторское»). Кочевники-алюторцы называли себя пьmьl'a-ramku—'нымыланские кочевники'.

Сведения об алюторцах мы находим в самых ранних известиях о Камчатке и ее населении. Так, например, в «скаске» пятидесятника Владимира Атласова, возглавлявшего первые набеги русских «служилых людей» на Камчатку, датированной 10 февраля 1701 г., мы читаем:

«А за теми коряками живут иноземцы люторцы, а язык и во всем подобие коряцкое, а юрты у них земляные, подобны остяцким юртам».[1]

Первый исследователь Камчатки и ее населения С. П. Крашенинников, проживший на Камчатке четыре года (с 1737 по 1741 г.), говоря о населении северной части «земли Камчатки», нередко проводит такое подразделение: «коряки, олюторы и чукчи». В целом ряде случаев Крашенинников говорит об «олюторах» так, как будто он считает их особым племенем.[2]

Такое же подразделение — «оленные и сидячие коряки и олюторы», «олюторы, оленные коряки, сидячие коряки, чукчи» — проводят также позднейшие «скаски» и «доношения» камчатских «служилых людей» в XVIII в.[3]

Интересно отметить, что ни Атласов, ни Крашенинников, сообщающий весьма подробные сведения о коряках, как «сидячих» (т. е. оседлых), так и «оленных», ни более поздние «скаски» и «доношения» «служилых людей» ничего не говорят о существовании оленеводства у алюторцев. Наоборот, — в «Секретном доношении Иркутской провинциальной канцелярии в Сенат от 3 мая 1750 г.» находим указание на то, что оленей у алюторцев нет: «. . .а Паренского и Олюторского отстрогов сидячие коряки ясак платят и впредь платить обещают, только де без аманатов, затем, что оной Паренской и Олюторской остроги от Анадырска в немалой обширности обстоят, ибо во оные острожки из Анадырска, как вперед, так и обратно на добрых оленях в два месяца, а у тех иноземцов оленей и собак не имеетца и аманатов в Анадырск перевозить не на чем. . .»[4]

Цитированные исторические документы, а также Крашенинников в своем «Описании земли Камчатки», всюду дают названия: «Олюторцы», «Олюторский». Так же «Олюторским» официально называется один из четырех райс-

---

[1] «Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке». Сборник архивных материалов, Изд. Института народов Севера ЦИК СССР, Лгр., 1935, стр. 31.

[2] Ст. Крашенинников. Описание земли Камчатки, т. II, СПб., 1786 (2-е изд.). См., например, стр. 168, 198, также 149, 150, 193, 204, 211 и др. На стр. 168 читаем: «Главная разность сего народа (коряков. *С. С.*) от Камчадалов состоит в языке, в котором по счислению господина Стеллера три диалекта; первым диалектом или коренным языком говорят Сидячие Коряки у Пенжинского моря и Оленные; и сей язык выговаривается мужественно и крепко. Другой диалект, которой употребляется у Олюторов, и от Россиян вторым морским Коряцким языком называется, весьма крепче помянутаго. Третей Чукоцкой, которой выговаривается легче, мягче и с свистом. В протчем между всеми диалектами такое сходство, что Коряки, Чукчи и Олюторы без труда друг друга разуметь могут».

[3] См., например, «Допросы» служилых людей из камчадалов братьев Ивана и Алексея Лазуковых (в 1746 г.), а также «Скаску ясачного иноземца Орликова» того же года в Сборнике архивных материалов «Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке», стр. 96—111.

[4] Там же, стр. 112.

нов нынешнего Корякского национального округа, организованного в 1931 г. Однако мы даем рассматриваемой группе нымыланов название «алюторцы» и диалект их называем «алюторским» — в соответствии с названием одного из алюторских поселков, а именно поселка Alut на побережье бухты Корфа. Современный поселок Alut во времена нымыланско-луораветланских (корякско-чукотских) и нымыланско-русских войн был одним из главных укрепленных мест алюторцев, о чем единогласно свидетельствуют как имеющиеся в нашем распоряжении исторические источники,[1] так и предания алюторцев.

2

Экономической базой оседлых алюторцев являлись 1) рыболовство, 2) охота на морского зверя — преимущественно на лахтака (морского зайца) и нерпу (пестрая нерпа и акиба). Существенным подспорьем в хозяйстве оседлых алюторцев служила также охота на пушного зверя, преимущественно на лису.

Рыболовство занимало весь летний сезон и начало осеннего сезона — с половины июня до половины сентября. Во время наибольшего хода рыбы — кеты, горбуши и других крупных лососевых пород, которые во множестве поднимаются с моря вверх по рекам, — алюторцы (кочевые и оседлые) переселялись на устья рек и ловили рыбу неводом. С этой целью они объединялись, преимущественно по принципу родства и свойства, в довольно крупные объединения (артели). В настоящее время у алюторцев образованы рыболовецкие артели на основе существующего типового устава; также оформлены объединения с целью морской охоты.

Некоторые семьи, правда, предпочитали единоличный способ лова. В таком случае лов производился ставными сетями. Большая часть улова шла на юколу. Рыбу потрошили и вешали на особые вешала для просушки. Высохшую рыбу (юколу) складывали в амбары — шалаши, крытые сухой травой, установленные на высоких сваях. Юкола была основной пищей людей в течение всего года, а также — главным кормом для собак, которых алюторцы держали в качестве ездовых животных. На корм собакам заготовлялась также «кислая рыба»: только что выловленная рыба, прямо из невода, сваливалась в яму и там квасилась до тех пор, пока не поступала в употребление. Кислую рыбу употребляли в пищу также и люди, а «кислые головки» у алюторцев считались даже лакомством.

Морской промысел у алюторцев разделялся на два сезона: весенний и осенний. Весенний сезон начинается в половине марта и заканчивается в половине июня. Охотники на нартах, запряженных собаками, вооружившись ружьями и копьями, артелью в 7—8 и более человек выезжают на морской лед километров за 5—10 от берега. Фактическими охотниками являлись прежде двое или трое (владельцы ружей), остальные участвовали в качестве возчиков и переносчиков добычи, иногда же просто в качестве зрителей. Тем не менее мясо и жир морского зверя, убитого на охоте, по возвращении охотников делились поровну между всеми жителями поселка, и только шкура лахтака или нерпы доставалась убившему. Прибытие охотников с тушами морского зверя сопровождалось особым обрядом встречи.

Мясо и жир добытого морского зверя либо сразу же употребляются в пищу, либо запасаются впрок. Жир служит также для освещения. Из шкуры лахтака выделываются ремни, подошвы для обуви. Продукты морской охоты (жир, кожи, иногда также мясо морского зверя) играли существенную роль в обмене на оленьи шкуры и мясо между оседлыми и кочевниками. Однако у алюторцев

---

[1] См. документы, цитированные выше; ср. также Г. Майдель, «Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868—1870 годах», Приложение к XXIV т. «Записок Академии Наук», № 3, СПб., 1894, стр. 534—535.

этот обмен носил характер взаимных подарков между оседлыми и кочевыми родственниками. У алюторцев обмен не был регламентирован в такой степени, как обмен между оседлыми нымыланами-каменцами и кочевниками-чавчувенами на севере Корякского нац. округа — в Пенжинском районе.[1] Роль обмена у алюторцев снижалась еще тем, что большинство алюторцев также занималось морским промыслом.

Осенний морской промысел начинается в конце сентября и длится до конца ноября. Осенью прибрежная полоса Берингова моря свободна от льдов. Лишь к концу декабря с севера наносятся ледяные поля. Поэтому осенний морской промысел производился на байдарах — широких плоскодонных сооружениях, сшитых их лахтачьих шкур, которые натягиваются на деревянный остов; длина байдары 4—5 м, ширина в самом широком месте — у носа — около 1.5 м. «Байдарная артель» охотников состоит из 6—9 человек. Оружие, употребляемое на осенней морской охоте то же, что и на весенней: ружья и копья-гарпуны.

Осенний сезон морской охоты оканчивался «нерпичьим праздником» (kalil'ə-angьt). Это был главнейший праздник алюторцев. Праздник сопровождался целым рядом сложных обрядностей. Смысл всех этих обрядностей — проводы душ убитого морского зверя обратно в море с просьбами: в будущем сезоне морской охоты, который начнется с весны, явиться снова, привести своих сородичей и рассказать им, как хорошо встречают их люди и как обильно угощают. Нерпичий праздник обязан был устроить каждый охотник. В некоторых семьях этот праздник длился до трех суток (обряды совершались днем, но главным образом ночью).

Зимние месяцы — декабрь, январь, февраль — заняты охотой на пушного зверя: лису, росомаху, выдру, зайца, горностая. Волков алюторцы не убивали. Волк у них считался запретным зверем-шаманом. В крайнем случае, если волк уж очень вредит оленьему стаду, его можно отравить стрихнином, но из ружья убивать было нельзя.

Некоторые алюторцы партиями в 4—5 человек выезжают зимой на юго-запад — в северную часть Тигильского района — для промысла соболя.

Ранней весной, с целью добыть мяса, многие оседлые алюторцы охотятся на медведя, горного барана, тарбагана. Зимой же — в феврале, марте — производится подледный лов «вахни» (род наваги).[2]

3

Оленеводство кочевых алюторцев имело ряд весьма характерных отличий от оленеводства чавчувенов.[3] Кроме чавчувенов и алюторцев никакие другие группы, входящие в состав нымыланской народности, оленеводством не занимались (если не считать нескольких оленеводческих семей, принадлежащих к палланцам, оленное хозяйство которых по типу относится к алюторской группе). При описании алюторского оленеводства мы остановимся лишь на тех его особенностях, которые отличают его от основного типа — оленного хозяйства чавчувенов.

1. Чавчувенское оленеводство — крупнотабунное. Незадолго до начала социалистической реконструкции оленеводческого хозяйства Корякского нац. округа, у чавчувенов относительно небольшая группа оленеводов-кулаков

---

[1] См. Н. Н. Билибин, «Обмен у коряков», изд. Инст. народов Севера ЦИК СССР, Л., 1934.

[2] Месяц, приблизительно соответствующий по времени нашему февралю, как у оседлых, так и у кочевых алюторцев носил название vaqnь-ja'əlgьp' — 'месяц вахни'.

[3] Чавчувены составляют до 50% всей нымыланской народности. Все чавчувены — оленеводы. Все они говорят на одном общем диалекте, который довольно сильно отличается от всех диалектов оседлых нымыланов, особенно южных — алюторского и палланского.

владела крупными стадами оленей, в которые входила основная масса оленьего поголовья.[1] На севере округа — в Пенжинском районе — некоторые оленеводы-кулаки имели по 2—3 табуна, общее количество оленей в которых доходило до 10 тысяч. В кочевье богача-хозяина жило по нескольку (до 20) семей работников, экономически всецело зависимых от хозяина и во всем беспрекословно подчинявшихся ему. Основной обязанностью работников было попечение об оленях, однако все мелкие работы по хозяйству лежали также на них, как, например, заготовка дров, добыча шкурок пушного зверя, которые хозяин мог бы сдать купцам в обмен на привозные товары. Обычай допускал свободный переход работника от хозяина к хозяину, хотя бы каждый год, в начале сезона (осенью). Однако фактически такой переход был очень затруднен для работника. В хозяйском табуне у каждого работника было 5—6, иногда до 10 и больше принадлежащих ему лично оленей, которых он заработал за несколько лет батрачества.

Оленеводство алюторцев — мелкотабунное. Редкий табун у алюторцев превышал 1000 оленей. До начала коллективизации алюторский табун представлял собою коллективную собственность 4—6 хозяев, связанных между собою узами родства или свойства. Доля каждого совладельца в оленьем стаде приблизительно соответствовала доле остальных. Типичным соотношением частей пятерых совладельцев можно считать такое: 5% + 10% + 20% + 25% + 30% = 90%. Остальные 10% количества оленей в стаде принадлежали оседлым родственникам оленеводов-алюторцев. У кочевых алюторцев до начала коллективизации мы не могли наблюдать такого резкого имущественного неравенства, как у чавчувенов. В соответствии с этим не наблюдалось у них и сколько-нибудь резкой социальной дифференциации. В алюторском кочевье лишь как исключение можно было встретить бесправного работника-батрака. Таковым мог оказаться лишь какой-нибудь подросток-сирота, не имеющий даже и отдаленных родственников. Глава хозяйства у кочевых алюторцев — это обычно старший из группы родственников-совладельцев стада или наиболее умелый оленевод из их числа, пользующийся правами хозяина с общего согласия. Правда, в отдельных случаях у алюторцев можно было наблюдать зачатки имущественного неравенства, а именно в тех случаях, когда данное выше соотношение частей совладельцев стада было нарушено, когда доля одного из них равнялась 50—60%, а остальные трое—четверо владели остальной частью стада, куда входили также и олени, принадлежащие оседлым родственникам. Такой тип оленного хозяйства, конечно, еще очень далек от того, который развился у чавчувенов; однако, наблюдая его, можно было отчетливо представить себе, что развитие оленного хозяйства алюторцев также привело бы к резкой социальной дифференциации, если бы оно не было социалистически преобразовано.

2. Отношения чавчувенов к окружающему их оседлому населению были чисто экономические, — это отношения обмена.[2] Случаи возникновения родственных связей между чавчувенами и оседлыми намыланами (напр. каменцами или паренцами) насчитывались единицами. Неизвестны были также случаи, чтобы кто-нибудь из оседлых нымыланов (тех же каменцев, паренцев) содержал хотя бы несколько принадлежащих ему оленей в табуне кого-либо из чавчувенов.

Кочевники-алюторцы, наоборот, связаны были узами кровного родства или свойства с оседлыми алюторцами. У них нередки были случаи, когда один

---

[1] Так, например, Н. Н. Билибин, обследовавший в 1930/31 г. 261 чавчувенское хозяйство с общим поголовьем 24 907 оленей, дает такие сведения: во владении 9.5% кулацких хозяйств находилось 79.5% общего числа оленей, на долю 83% бедняцких хозяйств приходилось 10.5% оленей, остальные 10% количества оленей принадлежали середнякам, составлявшим 7.5% общего числа хозяйств (см. журн. «Советский Север», № 1—2, 1932 г. стр. 201 и сл.).

[2] См. Н. Н. Билибин, «Обмен у коряков».

из братьев—кочевник, другой — оседлый. Оседлые и кочевые алюторцы говорили на одном диалекте. Каждый оседлый алюторец имел одного или нескольких оленей, находящихся в стаде его кочующего родственника. Интересен, между прочим, тот факт, что при рождении ребенка в семье оседлых алюторцев, в стаде родственника, в котором содержатся олени, принадлежащие этой семье, клеймили одну важенку (оленью самку) тавром (клеймом) новорожденного ребенка. Весь приплод от этой важенки впоследствии считался собственностью ее владельца. Если последний «удачлив на оленей», т. е. если его важенка и приплод от нее не погибают, оседлый алюторец с годами становился владельцем 20—30 оленей. Если же число принадлежащих ему оленей превысит указанную цифру, «удачливый на оленей» оседлый родственник обычно переходил жить в кочевье и становился равноправным совладельцем стада. Надо заметить, однако, что в предшествующий коллективизации период далеко не все кочующие родственники способствовали такой «удачливости» своих оседлых сородичей.

3. Чавчувены совершенно не занимались охотой на морского зверя. Рыболовство у них вплоть до самых последних лет было развито крайне слабо, и то лишь в южной части территории их распространения — в нынешнем Тигильском районе Корякского национального округа.

Оленеводы-алюторцы все, за редкими исключениями, выезжали на морской промысел, особенно во время весеннего сезона. Летом, во время хода рыбы, все оленеводческие семьи алюторцев откочевывали на устья рек, жили там вместе со своими оседлыми сородичами, вместе с ними заготовляли запасы рыбы на зиму. Оленьи стада летом оставлялись на попечение младших мужских членов семьи, которые угоняли оленей в сопки и пасли их там, порывая связь с семьей на все лето. Последний факт, впрочем, имел место и у чавчувенов, с той лишь разницей, что в кулацких оленеводческих хозяйствах роль младших членов семьи выполняли работники-батраки.

4. Чавчувены лишь в южной части занимаемой ими территории начали заводить ездовых собак. Чавчувены — неумелые ездоки на собаках. Следует отметить также, что ряд названий, связанных с ездой на собаках, в чавчувенском диалекте явно заимствован из русского языка, например:

Алюторский диалект	Чавчувенский диалект	Значение слова
ə́t'ol	prùjila	'Остол' (тормозная палка; в чавчувенском — от местного старорусского — прудило)
wamьlkalŋьn	váran	Передняя дуга нарты; местное русское 'баран' (алюторское буквально — 'губа')
gaŋьŋь	enákmejolgь-varan	Средняя дуга нарты (чавчувенск. буквально — 'баран для поддержки')

У оленных алюторцев собака — главное ездовое животное. На оленях кочевые алюторцы совершали лишь недалекие поезки налегке между кочевьями. Каждая оленеводческая семья у алюторцев имела минимум одну упряжку собак, для которой заботливо заготовляла корм на зиму — юколу и кислую рыбу. Некоторые оленеводы-алюторцы славились умением разводить собак, так что даже оседлые сородичи приезжали к ним с целью достать ездовую собаку хорошего помета. Все названия собачьей упряжи и прочие термины, относящиеся к езде на собаках, у алюторцев происходят от корней их родного языка.

Указанные различия в оленеводческом хозяйстве чавчувенов и алюторцев достаточны для того, чтобы можно было говорить о двух типах нымыланского оленеводства. Оленеводство кочевых алюторцев, как мы видели, теснейшим образом связано с рыболовецко-приморско-охотничьим хозяйством оседлых алюторцев. Оленное хозяйство алюторцев регулировалось целым рядом норм, свойственных более первобытному приморско-охотничьему хозяйству. Если у кочевников-чавчувенов, перед началом социалистической реконструкции их оленного хозяйства, мы могли отметить довольно резкую социальную дифференциацию, то в отношении оленеводов-алюторцев можно было говорить лишь о зачатках имущественного неравенства. Все эти факты, как нам кажется, говорят за то, что 1) алюторское оленеводство возникло значительно позднее чавчувенского, 2) оно возникло и развилось на базе уже сложившегося рыболовецко-приморско-охотничьего хозяйства.

Ряд дополнительных данных подтверждает высказанное предположение.

4

В этом разделе нам придется рассмотреть некоторые статистические данные. Поводом для этого служат следующие соображения. На старых местах алюторских поселков, расположенных по соседству с современными поселками, можно видеть остатки множества разрушенных землянок. Возле какого-нибудь поселка, где ныне насчитывается 5—6 жилищ, мы находим развалины нескольких десятков землянок. Таковы, например, развалины весьма многочисленных землянок близ современных поселков Кичига, Вывнак, Теличики и некоторых других. Давность этих развалин, по всей вероятности, — лет 200. Большое количество их наводит на мысль о том, что около того времени существовала более компактная масса оседлых алюторцев, которая включала в себя значительную часть предков нынешних алюторцев-оленеводов.

Можно было бы, конечно, предположить, что алюторцы, как наиболее воинственные из нымыланов, больше всех пострадали от нашествия русских завоевателей в XVIII в., и этим объяснить резкое сокращение населения алюторских поселков. Однако на основании исторических данных нетрудно установить, что истреблению со стороны русских подверглись приблизительно в равной степени все группы нымыланов[1]. Тем не менее, у нымыланов-каменцев (не имеющих оленеводства) или у нымыланов-палланцев (оленеводы из числа которых насчитываются единицами) мы находим гораздо более компактную массу оседлого населения, в чем легко убедиться, рассмотрев следующую таблицу, составленную по материалам приполярной переписи 1926/27 г.

Среднее количество хозяйств на поселок:
У каменцев — 10.7; у палланцев — 30.8; у алюторцев — 7.5.
Среднее расстояние между поселками:
У каменцев — 22 км; у палланцев — 33 км; у алюторцев — 33 км.
Крайние поселки расположены:

У каменцев	на расстоянии	155 км
У паланцев	» »	165 »
У алюторцев	» »	свыше 300 »

Эти выводы из таблицы красноречиво говорят о весьма малой плотности оседлого населения у алюторцев по сравнению с каменцами и палланцами.

К сожалению, в «Списке населенных мест Камчатского округа»,[2] на основании которого составлена вышеприведенная таблица, не указано число чле-

[1] См., например, все тот же Сборник архивных материалов «Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в.»

[2] Изд. Дальне-Вост. краев. статистическото управления, Хабаровск-Благовещенск, 1928.

Поселки каменцев			Поселки палланцев			Поселки алюторцев		
Название поселка	число нымыл. хозяйств	расстояние от с. Каменского, км	Название поселка	число нымыл. хозяйств	расстояние от с. Паллана, км	Название поселка	число нымылан-ских хозяйств	расстояние от с. Алют, км
1. Тылхой	2	135	1. Лесная	32	60	1. Алют (Олюторское)	10	—
2. Микино	11	100	2. Кинкиль . . .	25	40	2. Култушное . .	7	25
3. Шестаково . .	4	75	3. Паллана . . .	36	—	3. Теличики . . .	12	45
4. Лываты	10	50	4. Кахтана . . .	40	45	4. Вывнак	4	85
5. Орночек . . .	7	45	5. Ваямполка . .	21	105	5. Хаилино . . .	6	Св. 100
6. Каменское . .	33	—	Итого . .	154		6. Ветвей	5	115
7. Таловка	8	20				7. Кичига	12	265
Итого . .	75					8. Тымлат	1	305
						9. Рекинники . .	11	Св. 300
						Итого . .	68	

нов в каждом хозяйстве. Однако мы не имеем никаких оснований утверждать, что число членов алюторского оседлого хозяйства сколько-нибудь превышает число членов в хозяйстве каменцев или палланцев. Скорее наоборот — у каменцев, например, часто встречаются хозяйства, более многочисленные по количеству членов, чем у алюторцев.

Причиной значительно меньшей плотности оседлого населения у алюторцев, как уже сказано, мы считаем переход части алюторцев от рыболовецко-приморско-охотничьего хозяйства к оленеводству.

5

Перейдем теперь к рассмотрению некоторых фактов языка.

I. Интересные данные по обсуждаемому вопросу можно почерпнуть, сравнив названия месяцев в алюторском и чавчувенском диалектах. Алюторские названия месяцев красноречиво свидетельствуют о том, что они возникли у рыболовов и морских охотников. У чавчувенов наоборот — рыболовецко-приморские названия месяцев совершенно отсутствуют, некоторые же месяцы имеют чисто оленеводческие названия.

Прежде чем дать сравнительную таблицу названий месяцев в алюторском и чавчувенском диалектах, необходимо предупредить, что у нымыланов названия даются лунным месяцам, так что указанные ниже соответствия месяцам русского календаря лишь весьма приблизительны: месяц, указанный под цифрой I (январь), соответствует периоду времени приблизительно с половины декабря до половины января и т. д. Кроме того, необходимо отметить, что ряд месяцев имеет по два названия; большею частью одно из них отражает явления природы, происходящие в соответствующее время, другое — производимые в это же время хозяйственные работы.

Сравнительная таблица названий месяцев

	Алюторский диалект	Чавчувенский диалект
I	Gьnullotь-ja'əlgьp — Срединной головы месяц	Gьnullewut — Серединная голова Lьgullawut — Главная голова
II	Сьmcel'ən — Соседний Taŋkьtkь-ja'əlьp — Первого наста месяц Vaqnь-ja'əlgьp — Вахни (наваги) месяц	Ciq'eviw — Холодный
III	Tinme-eto-ja'əlgьp—Ложно-гусиный месяц	Tenmьt'əlo'ən — Ложных дней
IV	Lьge-eto - ja'əlgьp — Истинно - гусиный месяц	Lьget'əlo'ən — Истинных (действительных) дней (месяц)
V	Кьtkьt-ja'əlgьp — Наста месяц Ukitь-ja'əlgьp — Сельди месяц	Qojawjon — (Месяц) рождения оленьих телят
VI	Qetul — (Лова) кеты (месяц)	Ano-ja'əlgьn — Роста трав месяц
VII	Meŋьtul — Больших дней (месяц) əпnьro'ə-ja'əlgьp — Хода рыбы месяц	Ala-ja'əlgьn — Летний месяц
VIII	Jamseрь-ja'əlgьp — Малого покраснения (тундры) месяц	Qajcerь - ja'əlgьn — Малого покраснения (тундры) месяц
IX	Lьgeserь-ja'əlgьn — Действительного покраснения (тундры) месяц	Lьgecerь-ja'əlgьn — Действительного покраснения (тундры) месяц
X	Emьsqetь-ja'əlgьp — Заморозков месяц Ruwitvi-jaəlgьp — Листопад — месяц	Emьcvilu — Заморозков (месяц) əlva'ajŋe-ja'əlgьn — Течки диких оленей-быков месяц (Дикие быки появляются в стаде и оплодотворяют домашних важенок)
XI	Wisekteрlo — «Сухого» горного барана месяц (т. е. месяц, когда горные бараны становятся тощими во время течки)	Кьtep-ja əlgьn или Кьteplun — Горного барана месяц
XII	Tinmonuŋlavut — Ложный Срединной головы (месяц)	Jajavьc'ən — (Месяц) появления полосы жира на оленьей спине.

Алюторские названия месяцев записаны от оленевода-алюторца Онтава из кочевья близ с. Вывнак в декабре 1927 г., и вторично от оседлого алюторца Jьntal'at''a (Семена Чечулина) из с. Кичига. Характерно, что названия месяцев 'вахни' (наваги), 'сельди' и 'кеты' дал кочевник Онтав.

Чавчувенские названия месяцев записаны в основном от Кеккета Мэйнувьина из кочевья близ с. Аманина и впоследствии выверены с другими чавчувенами. Надо сказать, что нымыланские названия месяцев в настоящее время основательно забыты как алюторцами, так и чавчувенами. Их помнят только старики, да и то не все, а молодежь, в огромном большинстве, пользуется русскими названиями месяцев.

Из таблицы нетрудно убедиться, что у алюторцев: 1) четыре месяца носят названия, связанные с рыболовством; 2) ни один месяц не имеет названия, отражающего оленеводческое хозяйство.

У чавчувенов наоборот:

1) ни один месяц не имеет названия, указывающего на занятие рыболовством или морским промыслом; 2) три месяца носят оленеводческие названия.

II. Не менее интересные данные мы получаем в результате анализа следующих трех терминов родства в алюторском и чавчувенском диалектах:

Алюторский диалект:	Чавчувенский диалект:
əlla — мать (осн.)	əlla — мать (осн.)
əllagьn — отец (осн.)	énpic — отец (осн.)
əlláuwi — родители — буквально 'матери' — форма множеств. числа от осн. əllá (мать).	enpiciw — родители — буквально; 'отцы' — форма множеств. числа от осн. enpici (отец).

Сравнение нам показывает, что 1) термин əlla — 'мать' в обоих диалектах один и тот же; 2) в алюторском диалекте термины 'мать', 'отец', и 'родители' происходят от одной и той же основы (əlla'), причем термин əlla (мать) представляет собою неоформленную основу, а термины ellagьn (отец) и əllawi (родители) являются производными от этой основы; 3) в чавчувенском диалекте термин əlla (мать) стоит особняком, термины же enpic (отец) и enpiciw (родители) происходят от общей основы, причем термин enpic представляет собою неоформленную основу (с усечением конечного i), термин же enpiciw является производным от этой основы.

Термины enpic и enpiciw чавчувенского диалекта следует сопоставить со словами, происходящими от основ ьnpь, ənpь, которые, по всей видимости, представляют собою фонетические варианты основы enpici. Примерами слов, образованных от этих основ, могут быть следующие:

пьnpьqin — старый, старший по возрасту — осн. ьnpь, ənpь;
ənpьc'ən — старшóй, старшина, глава — осн. ənpь.

Из всего сказанного мы вправе сделать вывод о том, что термины «отец» и «родители», существующие в алюторском диалекте, свидетельствуют о былом преобладании материнского начала у алюторцев. Те же самые термины чавчувенского диалекта свидетельствуют о былом преобладании отцовского начала у чавчувенов, что вполне естественно для скотоводов, каковыми являются кочевники-чавчувены.

К сожалению, терминология родства и, вообще, пережитки более ранней социальной организации нымыланов еще очень мало исследованы. Однако мы все же можем отметить, что вышеприведенные термины родства, отнюдь не единичный факт, свидетельствующий о преобладании материнского начала у алюторцев и отцовского — у чавчувенов. Можно было бы указать еще несколько аналогичных фактов, требующих, однако, более подробного анализа. Для нас же сейчас важен лишь тот факт, что оленеводы (resp. скотоводы)-алюторцы пользуются терминологией родства, свойственной более первобытным рыболовам-приморским охотникам.

Чавчувенские названия месяцев записаны в основном от Кеккета Мэйнувьина из кочевья близ с. Аманина и впоследствии выверены с другими чавчувенами. Надо сказать, что нымыланские названия месяцев в настоящее время основательно забыты как алюторцами, так и чавчувенами. Их помнят только старики, да и то не все, а молодежь, в огромном большинстве, пользуется русскими названиями месяцев.

Из таблицы нетрудно убедиться, что у алюторцев: 1) четыре месяца носят названия, связанные с рыболовством; 2) ни один месяц не имеет названия, отражающего оленеводческое хозяйство.

У чавчувенов наоборот:

1) ни один месяц не имеет названия, указывающего на занятие рыболовством или морским промыслом; 2) три месяца носят оленеводческие названия.

II. Не менее интересные данные мы получаем в результате анализа следующих трех терминов родства в алюторском и чавчувенском диалектах:

Алюторский диалект:	Чавчувенский диалект:
əlla — мать (осн.)	əlla — мать (осн.)
əllagьn — отец (осн.)	énpic — отец (осн.)
əlláuwi — родители — буквально 'матери' — форма множеств. числа от осн. əllá (мать).	enpiciw — родители — буквально; 'отцы' — форма множеств. числа от осн. enpici (отец).

Сравнение нам показывает, что 1) термин əlla — 'мать' в обоих диалектах один и тот же; 2) в алюторском диалекте термины 'мать', 'отец', и 'родители' происходят от одной и той же основы (əlla'), причем термин əlla (мать) представляет собою неоформленную основу, а термины ellagьn (отец) и əllawi (родители) являются производными от этой основы; 3) в чавчувенском диалекте термин əlla (мать) стоит особняком, термины же enpic (отец) и enpiciw (родители) происходят от общей основы, причем термин enpic представляет собою неоформленную основу (с усечением конечного i), термин же enpiciw является производным от этой основы.

Термины enpic и enpiciw чавчувенского диалекта следует сопоставить со словами, происходящими от основ ьnpь, ənpь, которые, по всей видимости, представляют собою фонетические варианты основы enpici. Примерами слов, образованных от этих основ, могут быть следующие:

пьnpьqin — старый, старший по возрасту — осн. ьnpь, ənpь;
ənpьc'ən — старшóй, старшина, глава — осн. ənpь.

Из всего сказанного мы вправе сделать вывод о том, что термины «отец» и «родители», существующие в алюторском диалекте, свидетельствуют о былом преобладании материнского начала у алюторцев. Те же самые термины чавчувенского диалекта свидетельствуют о былом преобладании отцовского начала у чавчувенов, что вполне естественно для скотоводов, каковыми являются кочевники-чавчувены.

К сожалению, терминология родства и, вообще, пережитки более ранней социальной организации нымыланов еще очень мало исследованы. Однако мы все же можем отметить, что вышеприведенные термины родства, отнюдь не единичный факт, свидетельствующий о преобладании материнского начала у алюторцев и отцовского — у чавчувенов. Можно было бы указать еще несколько аналогичных фактов, требующих, однако, более подробного анализа. Для нас же сейчас важен лишь тот факт, что оленеводы (resp. скотоводы)-алюторцы пользуются терминологией родства, свойственной более первобытным рыболовам-приморским охотникам.

6

Интересные данные по вопросу о происхождении оленеводства у нымыланов-алюторцев можно получить в результате анализа некоторых исторических преданий как алюторцев, так и других групп оседлых нымыланов, а также преданий оленеводов-чавчувенов. Нымыланский исторический фольклор очень богат, однако он почти несобран. Тем не менее даже те небольшие материалы, которые имеются в нашем распоряжении, позволяют сделать заключение о том, что основное содержание исторического фольклора нымыланов составляют предания о войнах. Большая часть преданий рассказывает о лураветланско-нымыланских (чукотско-корякских) войнах. Значительная часть преданий повествует о войнах между собственно-нымыланами (оседлыми коряками) и чавчувенами. Ряд преданий говорит о войне с русскими.

Предания о чукотско-корякских и нымыланско-чавчувенских войнах (т. е. о войнах между оседлыми и кочевыми коряками) как на основную причину раздоров указывают на вражду из-за оленьих стад. Оседлые приморские жители (чукчи, нымыланы) старались отнять оленей у чавчувенов.

Проф. В. Г. Богораз во введении к собранию чукотского фольклора пишет: «В третьем отделе наиболее видное место занимают рассказы о войнах и столкновениях с таньгами, а именно с настоящими таньгами (lьe-tanŋьt) или коряками. . .» [1] «Во всех этих рассказах таньги по сравнению с чукчами являются оленеводами по преимуществу; они питаются исключительно олениной и совершенно незнакомы с морскими промыслами. Желая разнообразить свою пищу они, однако, в состоянии добыть только рыбу. Стада их являются главной приманкой для нападения чукоч, которые, перебив взрослых владельцев, уводят к себе вместе с оленями молодых подростков мальчиков и девочек в виде рабов, для охранения стада. Чукчи, напротив, являются племенем полуприморским, потомками беломорской жены, но даже в сказках видно их постоянное стремление сделаться богатыми оленеводами».[2]

Вполне понятно, что в лице таньгов чукотские исторические предания изображают не коряков вообще, а именно оленеводов-чавчувенов. Корякский исторический фольклор ставит нымыланов (приморских коряков) в то же самое положение по отношению к чавчувенам, в каком находятся, согласно данным чукотского фольклора, чукчи по отношению к «таньгам». Однако весьма существенное различие наблюдается между чукотскими историческими преданиями, с одной стороны, и корякскими — с другой. Если чукотские предания единогласно говорят о чукчах, как о победителях богатых оленями «таньгов» (и это же подтверждают предания чавчувенов о чукотско-чавчувенских войнах), то в корякском фольклоре оседлые далеко не всегда изображаются как победители оленеводов-чавчувенов. Ряд преданий, записанных на западном побережье Камчатки (в Тигильском районе Корякского нац. округа) говорит об обратном: «Нымыланы были не в силах отобрать оленьи стада от чавчувенов».

Что касается восточных нымыланов (оседлых коряков) — алюторцев, а также соседних с ними и родственных им апукинцев, живущих на побережье Берингова моря в районе Олюторского залива, то предания, записанные от них, свидетельствуют либо о переменных успехах в борьбе за оленьи стада, происходившей между оседлыми и чавчувенами, либо говорят о победах алюторцев и апукинцев над чавчувенами, причем эти победы им удавалось одержать иногда силой, иногда же хитростью.

В этом сжатом очерке нет возможности дать сколько-нибудь подробный анализ корякского исторического фольклора, тем более что для такого анализа

---

[1] В. Г. Богораз. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Изд. Акад. Наук, СПб., 1900, стр. XXIV.

[2] Там же, стр. XXV—XXVI.

было бы необходимо привести самые предания, если не полностью,то хотя бы в отрывках. Однако для того, чтобы избежать совершенно голословных утверждений, мы позволим себе в виде приложения к этому очерку дать несколько текстов, представляющих собою почти дословные переводы записей, сделанных на корякском языке самими же коряками. Записи эти принадлежат перу курсантов Окружной советско-партийной школы Корякского нац. округа. Они были сделаны зимой 1933/34 г. на Корякской культбазе. В заключение приведем несколько отрывков из автобиографий курсантов-алюторцев.

Эти записи как бы в фокусе отражают весь процесс обзаведения алюторцев оленями в том виде, как он представляется самим алюторцам. Особенно характерна в этом отношении запись под названием «Наши предки». Конечно, было бы слишком опрометчиво утверждать, что процесс приобретения оленей алюторцами происходил именно так, как изображают его авторы помещенных ниже отрывков. Особому сомнению следует подвергнуть весьма краткий срок, в течение которого, якобы, произошло освоение оленеводства алюторцами.

Тем не менее некоторые свидетельства исторических преданий можно признать весьма близкими к истине. Можно предположить, что войны между алюторцами и чавчувенами, историческая действительность которых вне сомнения, сыграли известную роль в процессе возникновения оленеводства у алюторцев. Весьма вероятным представляется также существование того своеобразного обмена между чавчувенами и алюторцами, который описывается в отрывке «Наши предки».

Автобиографические отрывки, помещенные в конце, обрисовывают перед нами процесс освоения оленеводства алюторцами, как процесс еще не завершившийся. Они могут служить дополнительным материалом в подтверждение того, что было сказано выше относительно перехода оседлых алюторцев к оленеводству (см. раздел 4).

Кроме того, заслуживает быть отмеченным сам по себе тот факт, что ряд сведений, сообщаемых самими нымыланами, идет по той же линии, что и ряд доводов, приведенных выше, в обоснование точки зрения, согласно которой оленеводство у алюторцев возникло сравнительно поздно на базе развитого рыболовецко-приморского-охотничьего хозяйства.

Приложения

1. Ремнями связанный

Жил один оленевод-чавчувен. В одиночестве пас своих оленей возле большой горы. Потом начал его застигать нападающий отряд. Некуда ему деться. А они его уже вот-вот настигнут. Однако пока еще нападающий отряд в отдалении остановился. Начали думать нападающие. Один из них сказал: «Не будем его убивать. Свяжем его ремнем и на ремне с горы спустив, подвесим его». Прочие сказали: «Верно. Так сделаем. А стадо отгоним и оленей убивать будем, — самых жирных оленей!»

Снова начали настигать его. Подошли. Схватили его. Связали его по ногам и вниз головой с горы спустили. А сами отправились те нападающие и стадо угнали.

Погодя начало темнеть. Наелись они и спать полегли. Никого сторожить не оставили. Ночь настала. Тогда тот, ремнями связанный, начал освобождаться. Изловчился, взобрался по скале, развязал ноги и пошел разыскивать свое стадо. Потом увидел, начал подкрадываться. Свой большой нож вытащил. Настиг спящих. И вот осторожно одному за другим начал горло перерезать. Наконец, только один остался неубитым, старикашка жалкий. Прочие все убиты. Пнул ногой старикашку, сдернул с него колчан со стрелами, сказал ему: «Вставай живо!» Старик проснулся, заорал в испуге: «Просыпа-а-айтесь!» Ни звука в ответ. Большой трубкой для курения рот заткнул ему тот, которого ремнями связали давеча, сказал ему: «Ну теперь с тобой скверно поступлю, потому что со мной давеча скверно обошлись вы. Теперь тебя тоже свяжу и живьем в воду брошу». Старик сказал: «Не бросай меня в воду! Я на тебя работать буду». Ответил ему: «Нет уж, все равно брошу тебя в воду. Вы ведь давеча не говорили мне: при нас работай».

И вот тот старик связан и живьем в воду брошен. Так избавился от врагов тот, давеча связанный ремнями. Он хорошо начал жить, потому что много добыл луков и стрел. Никто не смел нападать на него.

Примечание. Предание «Ремнями связанный» записано студентом Института народов Севера им. П. Г. Смидовича ГУСМП Кечгаятом Нутевьиным в сентябре 1934 г. Тов. Кечгаят — представитель группы приморских нымыланов, говорящих на апукинском диалекте нымыланского языка. Апукинский диалект по имеющимся данным происходит от скрещения алюторского и чавчувенского диалектов, с преобладанием последнего.

Нет сомнения, что предание рассказывает о набеге «нападающего отряда» апукинцев (в то время еще бывших алюторцами) с целью отнять стадо, принадлежащее оленеводу-чавчувену. Приморское происхождение нападающих красноречиво подчеркивается в предании той жадностью, с которой они набрасываются на оленье мясо, вожделением, с которым они говорят о том, как будут убивать самых жирных оленей, беспечностью в их отношении к оленям, — они даже «никого сторожить не оставили». Весьма характерно предложение «старикашки» из «нападающего отряда» стать рабом оленевода. И не случайно оленевод своим ответом на это предложение подчеркивает, что со стороны нападающих ему не было предложено того же самого. Вполне понятно, что нападющие, будучи приморскими охотниками, не могли сделать такого предложения побежденному,— для них пленник был бы только лишним ртом, для оленевода же пленник — ценная рабочая сила.

Предание «Ремнями связанный» говорит лишь о факте нападения приморских жителей на чавчувена с целью отобрать от него оленье стадо. Окончательную победу предание приписывает все же чавчувену. Студентом Кечгаятом записано 12 преданий о нымыланско-чавчувенских войнах. Из них только в трех нападающие приморские жители фигурируют как победители.

2. Давние времена

Давно жители тундры враждовали между собою — чавчувены и ламуты и нымыланы. Нымыланы пытались отнять (у чавчувенов) оленьи стада. И чавчувены тоже отбирали стада друг у друга — мужчин убивали, юрты отбирали, и женщин, и оленьи стада. Но нымыланы не отобрали оленьих стад, потому что очень сильно избивали их чавчувены. Насилием друг над другом жили. Кто сильней, тот много стад отбирал от разных кочевий. А те стада снова жителями других кочевий отбирались. Почти без сна жили кочевники в постоянной боязни беды от жителей соседних кочевий. Ежедневно враждователи проходили по кочевьям.

Потом прекратили враждовать. Нымыланы были не в силах отобрать оленьи стада от чавчувенов. И чавчувены тоже прекратили враждовать между собою.

Примечание. Запись «В давние времена» сделана курсантом Окружной советско-партийной школы Корякского нац. округа Трифоном Кававом. Тов. Трифон Кавав — колхозник Палланского оленеводческого колхоза. Он метис, отец его — ламут, мать — чавчувенка. Однако Тр. Кавав считает себя чавчувеном и родным языком его является чавчувенский диалект нымыланского языка, на котором он и составил свою запись. Материалом для этой записи ему послужили предания, которые он слышал от чавчувенов и нымыланов западного побережья Камчатки. Нымыланы-палланцы, являющиеся соседями чавчувенов Тигильского района, почти совершенно не освоили оленеводства. Среди нымыланов-палланцев оленеводы насчитываются единицами. Поэтому вполне понятно, что исторический фольклор западного побережья Камчатки подчеркивает неудачу попыток захвата оленьих стад чавчувенов, предпринимавшихся нымыланами-палланцами.

3. Как предки в давние времена жили

Давно предки жили. Постоянно понемногу спали, настолько были запуганы друг другом, ибо много было враждующих. Те, кто послабее, весьма избивались прочими. Из-за оленей враждовали. У тех, кто послабее, отбирали стада оленей.

И были предки сильные и быстроногие, — диких оленей бегом настигали. А стреляли из луков.

Потом чукчи появились, на наших нападать стали. Едва заметив кого-либо, сразу принимались драться. Тех, кто слабы были, одолевали и убивали, и стада оленей их отбирали, и к себе угоняли.

Примечание. Эта запись сделана курсантом Окружной советско-партийной школы Тавитыном (см. № 5, отрывок 3). Своих предков — алюторцев — тов. Тавитын изображает ведущими постоянную борьбу из-за оленей. Выражение: «Потом чукчи появились...» и т. д. позволяет предположить, что вражда из-за оленьих стад между алюторцами и чавчувенами началась до появления чукоч на территории, занимаемой алюторцами.

4. Наши предки

Давно предки жили, враждовали между собою, в постоянной жестокой вражде друг к другу жили. Земляные крепости сооружали для войны и из моржовых кож одежду употребляли. Неуязвимы для стрел были те одежды, ибо толсты моржовые кожи.

Предки плохо жили. Кого враги увидят, тотчас убивают. И зачем так плохо жили, — все здешние народы враждой жили, — чуть что скажет кто-нибудь, тотчас избивают его. Кто слаб, того сразу избивали.

Наш народ раньше безоленным был. Не имея оленей, все ловлей добывали. Закидывая сети (из ремней), убивали множество лахтаков и из них жир изготовляли. За тот жир (в обмен) разное брали. Тем жиром чавчувенов наделяли, отдавали им много жиру и за это брали оленьи туши.

Те, у которых друзья (среди чавчувенов) были, хорошо оленьими тушами снабжались. Те же, у которых не было друзей, совсем мало получали. Иногда вовсе ничего не доставали. Те, которые удачливы в промысле были, хорошо жили. А кто неудачлив был, те плохо жили. Удачливые в ловле пушного зверя также хорошо жили.

А потом те, что удачливы были в промысле, за всякие вещи брали (живых) оленей, — чайники, котлы, ружья давали чавчувенам, за это получали оленей.

Как только с оленями стали, тогда прекратили (ременными) сетями морского зверя добывать. Только посредством ружей для себя (а не для обмена) начали добывать морского зверя осенью. Изредка нымыланы продолжали отдавать жир чавчувенам в уплату за оленей. Это отдавали, однако чавчувены скупиться начали. Иногда возвращались от них, ничего не получив. И тогда чавчувенов совсем прекратили наделять жиром, ибо хитры стали чавчувены. К иным приезжали (нымыланы), а те чавчувены нарочно их обманывали, ничем не наделяя — многие из них обманом жили.

Предки мучались живя, без чаю жили и хлеба тогда совсем не было. Ножи кремневые употребляли. И роговые топоры употребляли. Котлы же изготовляли из глины.

Я сам не видел всего этого, — верно ли, — не знаю. Сородичи так рассказывали мне. А если бы сам видел, все бы описал. Что сородичи рассказывали, то и написал, — верно ли, нет ли, — не знаю.

Примечание. Очерк «Наши предки» написан курсантом Окружной советско-партийной школы Корякского нац. округа Енагытом из Алюторского кочевого колхоза близ с. Alut (бухта Корфа) (см. № 5, отрывок 1).

Весьма вероятно, что тот своеобразный обмен между алюторцами и чавчувенами, который описывает тов. Енагыт в своем очерке, играл значительно более важную роль в процессе освоения оленеводства алюторцами, чем приобретение оленьих стад в виде военной добычи. Мы убедились, что не только чавчувенский, но и собственно-нымыланский исторический фольклор не склонен приписывать нымыланам, в том числе и алюторцам, особой удачи в войнах из-за оленей (см. примеч. к тексту «Ремнями связанный»). Конечно, из приведенного очерка можно заключить лишь о существовании самого факта обмена между алюторцами и чавчувенами, в результате которого некоторым алюторцам удалось приобрести от чавчувенов известное количество живых оленей. Детали же этого обмена, на которых довольно подробно останавливается автор записи тов. Енагыт, представляются нам сильно модернизированными. Если ружья и котлы (не говоря уже о чайниках) играли известную роль в описанном обмене жира морского зверя на оленей и оленьи туши, то лишь в самый последний период. Вернее же предположить, что обмен жира морского зверя на живых оленей прекратился до появления у алюторцев ружей и железных котлов.

5. Отрывки из автобиографии алюторцев

курсантов Окружной советско-партийной школы Корякского нац. округа

1) Из автобиографии Енагыта

Я родился в 1910 г. Я родился в с. Alut. И когда я начал сознавать, у нас имущества было: два коня и оленей было, — забыл сколько — наверное десять. И собачьих упряжек две. Мой отец, когда я начал сознавать, на неводе работал и сети ставил. А когда отец умер, мы совсем прекратили на неводе работать. А дед мой был зверопромышленником, добычей (пушного) зверя мы стали жить.

Когда я работоспособным стал, в кочевье я отправился, при оленьем стаде работать начал. До того, как при стаде работать начал, я все время в поселке жил. А потом отец сказал мне: «Оленей наших опекай, сам взращивай их». У Атхая в стаде наши олени были — с недостатком десять. У Атхая же своих сто оленей было. И мне все время говорил он: «Усердно оленей умножать будем, не ленись». И потом наши олени достаточно умножились. И вскоре мы отделившись (от Атхая) без малого сто оленей уже имели. Очень усердно я при оленях ходил. Однако сверх того не умножились олени. Десять лет я провел в работе при оленьем стаде. Сначала оленью жизнь я не

мог понять. Потом, когда с дядьями вместе пасти начал, при оленьем стаде ходить я хорошо научился.

А потом мы в колхоз вошли, 91 оленя имея.

2) Из автобиографии Яхъяха

Я родился в с. Alut в 1912 г. Пока я не начал сознавать, был жив дед. Тогда еще у нас совсем не было оленей. В то время отец был очень удачлив в охоте на пушного зверя. И лахтаков мы добывали на мысе Atval сетями. А когда я начал сознавать, тогда было у нас восемь оленей и одна собачья упряжка. Потом я начал разную работу выполнять. После же организовали артель (Алюторская смешанная оленеводческо-зверобойная артель).

3) Из автобиографии Тавитына

Я родился в 1905 г., в Алюторском районе, в местности, называемой Ilir (близ оз. Култушного, бухта Корфа). Когда я впервые начал сознавать, у отца было 10 оленей и ружье одно. В чужой юрте мы жили. И собак у нас не было совсем, но была собачья нарта. А спальный полог наш был совсем маленький. Я начал работать совсем маленьким — десять лет мне было. Все время при оленьем стаде я работал, ничего другого не делая. Из года в год только при стаде я работал. Потом оленей побольше стало. Сами по себе мы жить начали и уже свою юрту имели. А оленей стало 80 и одного коня мы приобрели. Однажды летом много оленей погибло. После осенью еще волками были истреблены олени. Моих оленей, погибших в ту осень, мы нашли 38. А часть совсем не нашли. В тундре ли бродят, или от волков погибли? В 1932 г. осталось у нас 30 (оленей). С ними мы в колхоз вошли.

4) Из автобиографии Вачакал'эна

Я родился в тундре əmlar (побережье бухты Корфа) в 1913 г. Отец и мать мои — бедняки. При перекочевке постоянно оставляли часть клади на старом стойбище, ибо на чем перевезти, если ездовых оленей не хватает. После же возвращались и доставляли покинутую кладь. Оленей у нас всего 40 было, больше не было. Собак же у нас не было. Работать я начал в 1921 г., понемногу работал, потому что мал еще был, поэтому и работал мало. Когда же подрос, больше работать стал. Потом два года я провел в учебе, в с. Теличиках. Прекратил учиться в 1931 г. и домой вернулся, и с тех пор при оленях начал работать постоянно, ибо кто же будет работать при оленьем стаде? А потом в колхоз мы вошли.

5) Из автобиографического рассказа Игытькана из кочевья близ с. Вывнак

Тот дядя мой, кулаком теперь пребывающий, прозывается Meŋьtkan. При нем мы с отцом жили. Потом отец мой (вторично) женился. Все время мы с отцом там работали. Он дома постоянно работал, а я при оленьем стаде всегда работал, ни разу на заготовке рыбы не был. Никогда мы в еде не нуждались. Всегда вдоволь убивали для себя оленей. И также Оммат там же жил. И потом он тоже женился. Младшего брата дочь он в жены взял. Тоже при оленьем стаде работал тот Оммат, очень он добрый и хороший.

Примечание. Приведенные пять автобиографических отрывков рассказывают нам о жизни алюторцев-оленеводов. Первые два отрывка дают возможность вполне отчетливо проследить процесс перехода к оленеводству алюторских приморско-охотничьих семей. На примере третьего и отчасти четвертого отрывков можно убедиться, насколько слабо освоено оленеводство рядом семей алюторцев-кочевников. Однако два последние отрывка позволяют заключить, что мы имеем перед собою семьи, в которых уже целый ряд поколений занимается оленеводством.

Résumé

S. Stebnickij

Les Nymylanes-Alutores. (Sur l'origine de l'élevage du renne chez les Koriaks du sud.)

La peuplade des Nymylanes (Koriaks) se subdivise en 8 groupes linguistiques. L'un d'eux, qui comprend les 50% environ de la peuplade, réunit les Tchavtchouvènes nomades. Le dialecte tchavtchouvène est adopté comme langue littéraire des Nymylanes. Les sept autres groupes se répartissent entre les Nymylanes sédentaires — pêcheurs et chasseurs d'animaux marins. L'auteur étudie ici les Nymylanes-Alutores, qui parlent le dialecte alutore. Ils habitent principalement le littoral de la mer de Bering, depuis la baie de Korff au nord jusqu'au village de Tym-

lat au sud. Leur nombre va jusqu'à 2000 individus. Leur occupation essentielle est la pêche et la chasse en mer. Plus des 50% pratiquent aussi l'élevage du renne.

Les sources historiques du XVIII-e siècle parlent des Alutores comme d'une tribu particulière, mentionnée à côté des «Koriaks» et des «Tchouktches». On n'y trouve aucune indication sur l'élevage du renne. L'élevage du renne chez les Alutores se distingue par toute une série de traits de celui de la masse fondamentale des nomades — les Tchavtchouvènes. 1) Chez ces derniers, l'élevage du renne se caractérisait, avant la reconstruction socialiste de l'économie, par de grands troupeaux appartenant à un seul propriétaire — koulak, qui exploitait le travail de plusieurs familles ouvrières. Chez les Alutores de la même période, nous rencontrons des troupeaux peu nombreux (500—1000 rennes), propriété collective de 4—5 individus liés par des rapports de parenté. 2) Les Tchavtchouvènes ne s'occupent pas du tout de la chasse des animaux marins, et la pêche n'est pour eux qu'une ressource accessoire, tandis que tous les Alutores éleveurs de rennes sans exception chassent les animaux marins, et la pêche constitue pour eux un facteur économique pour le moins aussi important que l'élevage du renne. 3) Les Tchavtchouvènes dans leur masse n'ont pas de chiens de trait, alors que chez les Alutores ces derniers sont le principal animal de trait, les rennes ne jouant qu'un rôle auxiliaire sous ce rapport. 4) On n'a enregistré aucun cas de mariage entre Tchavtchouvènes et Nymylanes sédentaires; aucun Nymylane sédentaire ne parle le dialecte tchavtchouvène. Tous les Alutores — éleveurs de rennes se trouvent en liens de parenté étroite avec les Alutores sédentaires; les uns et les autres parlent le dialecte alutore. Les traits distinctifs susénumérés permettent de supposer: 1) que l'élevage du renne a pris naissance chez les Alutores beaucoup plus tard que chez les Tchavtchouvènes; 2) qu'il s'est développé sur la base de la pêche et de la chasse. Certains faits viennent encore confirmer cette hypothèse: 1) les Alutores sédentaires présentent un peuplement beaucoup moins dense que les autres groupes de Nymylanes sédentaires; 2) les noms des mois en usage chez les Alutores éleveurs de rennes tirent nettement leur origine de la pêche et de la chasse aux animaux marins; 3) certains termes de parenté unissent les Alutores-éleveurs à tous les autres groupes des Nymylanes sédentaires, dont la terminologie de parenté est caractérisée par la prédominance de l'élément maternel, alors que dans le dialecte des éleveurs de rennes tchavtchouvènes, les mêmes termes de parenté reflètent la prédominance de l'élément paternel, ce qui concorde pleinement avec la caractéristique des Tchavtchouvènes comme éleveurs de rennes de temps immémoriaux, opposés aux Alutores, chez lesquels l'élevage est d'origine relativement récente; 4) le folklore des Alutores parle de guerres entre les Alutores et les Tchavtchouvènes, où le rôle d'assaillants appartenait aux Alutores, dont le but était de s'emparer des rennes. Plusieurs légendes des Alutores attestent avec une entière évidence que, d'après leur propre représentation, l'élevage du renne ne date chez eux que de 100—200 ans au plus. Son début ne peut être précisé davantage avec les données dont nous disposons pour le moment.